

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Логика. Часть 2

Цель – рассмотрение аристотелевской логики и логики стоиков.

План

1. Аристотель о времени и модальности.
2. Логика стоиков.

Ключевые слова: модальность, модальные силлогизмы, условные пропозиции, язык, лектон, значение, означаемое, означающее.

Данная лекция, как и предыдущая, посвящена вопросам логики, в частности, проблемам времени и модальности у Аристотеля, а также логике стоиков, рассмотренным Энтони Кенни в третьей главе его книги.

Особенность суждений, обсуждаемых в «Категориях» и «Об истолковании» в том, что они могут изменить свои истинные значения. Отвечая на вопрос, свойственно ли веществам уметь принимать на себя противоположные свойства, Аристотель говорит: «Одно и то же утверждение кажется как истинным, так и ложным. Если, например, утверждение, что кто-то сидит, верно, после того, как он встал, это же утверждение будет ложным». Согласно общим современным представлениям о природе суждений, ни одно суждение не может в одно время быть истинным, а в следующий момент времени – ложным. Такое предложение, как «Теэтет сидит» верно, когда Теэтет сидит, и ложно в другое время, на примере этого предложения мы видим, что рассматриваются два суждения в два разных момента времени. И предложение, утверждающее, что «Теэтет сидит», было верным во время t , и это суждение, которое предписывает Теэтету сидеть во время t , будет истинным безотносительно ко времени. В данном случае, никакое суждение не разделено во времени, но любое другое разделенное во времени суждение, содержит неявную ссылку на время и само истинно или ложно безотносительно ко времени.

Аристотель нигде не выдвигает такой теории, согласно которой суждения, разделенные во времени, являются неполными выражениями вневременных предложений.

В обоих трактатах, и в «Категориях», и в «Об истолковании» Аристотель обсуждает такие предложения, как «А должно быть В» и «А не может быть В»: предложения, позже названные логиками модальными суждениями. В своем труде «Об истолковании» он вводит тему модальных предложений, говоря, что если «А не есть В», это отрицание того, что «А есть В», но «А может быть не В» не есть отрицание того, что «А может быть В».

Модальные выражения, отличные от «возможно», такие как «невозможно» и «необходимо», должны рассматриваться аналогичным образом. Аристотель упорядочивает эти случаи в еще одном квадрате оппозиции.

В каждом углу этой диаграммы пары предложений эквивалентны друг к другу. Операторы «необходимости», «возможности» и «невозможности» в этом квадрате оппозиции связаны друг с другом таким же образом, как квантификаторы «все», «некоторые» и «нет» в категориальном квадрате оппозиции. Как и в том случае, предложения в верхних углах противоположны: они не могут оба быть истинными вместе, но и не могут быть оба ложными вместе. Утверждения в одном углу противоречивы предложениям по диагонали в противоположном углу. Пара предложений в верхних углах влечет за собой пару предложений снизу, но не наоборот. Утверждения в нижних углах совместимы друг с другом: они оба могут быть истинными вместе, но они не могут быть ложными вместе.

Один из самых интересных отрывков в Органоне Аристотеля – девятая глава «Об истолковании», в которой он обсуждает связь между временем и модальностью в суждениях. По его словам, для описания того, что есть и что было, необходимо, чтобы утверждение или отрицание было истинным или ложным. Аристотель не утверждает, что если «р» является суждением настоящего или прошедшего времени, то «либо р, либо не р» обязательно истинны. Он также не говорит, что если «р» – суждение настоящего или прошедшего времени, то «р, или не р» – либо истина, либо ложь: позже он приходит к тому, что это верно также и для суждений

будущего времени. Он говорит, что если «р» – это суждение настоящего или прошедшего времени, то «р» является необходимым суждением. Эта необходимость явно не логическая необходимость: это не вопрос логики, что королева Анна мертва. Необходимость такой необходимости выражается в поговорках, что то, что сделано, не может быть отменено, и что бесполезно плакать из-за пролитого молока.

Центральной частью трактата «Об истолковании» является исследование того, может ли этот вид необходимости, применимой к нынешним и прошлым предложениям, относиться также ко всем будущим предложениям. Несомненно, есть универсально необходимые истины, которые применимы к будущему так же, как к настоящему моменту и к прошлому: но внимание Аристотеля сосредоточено на особых предложениях, таких как «это пальто будет порвано, прежде чем оно износится», «завтра будет морской бой». Истина или ложность таких утверждений, на первый взгляд, не влечет за собой универсального обобщения.

Аргумент, который рассматривает Аристотель, начинается с предположения, что если кто-то говорит, например, «завтра будет морской бой», а кто-то другой: «завтра не будет морской битвы», очевидно, что один из них говорит правду. Но, продолжает он, подобное предсказание, возможно, было сделано давно, «Морское сражение будет десять тысяч лет спустя», то и это предположение, и ее противоположность, будут правдой. Действительно, нет разницы, когда какие-либо предсказания были сделаны. Если во все времена суждение, или его противоречие, было истинным, значит было необходимо, чтобы это произошло. В любом случае, из-за того, что предположение «Это произойдет» всегда изначально верно, все необходимо должно произойти.

Мысль продолжается следующим образом, Аристотель говорит, что ничто не является делом случая или случайностью. Хуже того, нет смысла обсуждать и выбирать между альтернативами. Но на самом деле, говорит он, есть много очевидных примеров из вещей, получающихся одним способом, когда они могли бы получиться другим, как плащ, который мог быть порван, но был изношен.

Итак, в «Первой аналитике» Аристотель исследует возможность построения силлогизмов из модальных предложений. Несмотря на огромные успехи в исследовании модальных логик, проблемы, поставленные ее родоначальником Аристотелем, разработавшим и построившим оригинальную модальную систему, по-прежнему представляют значительный интерес для многих ученых. Главная трудность здесь состоит в описании именно аристотелевской модальной силлогистики, и решение этой проблемы осложняется, вероятно, незавершенностью исследований, проводившихся самим Аристотелем, и влиянием традиции его учеников, которые не только развивали идеи Стагирита, но и разрабатывали собственные теории. Неоднозначное толкование древнегреческим ученым двух центральных понятий алетической модальной логики – понятий «возможности» и «необходимости» – могло подвести и реально подводило к выводу о запутанности и противоречивости первой модальной теории. В настоящее время логиками реконструированы значительные фрагменты силлогистики Аристотеля и построены семантики в большей или меньшей степени адекватные учению Аристотеля. Но, видимо, прежде чем строить семантику для полной модальной системы, описывающей как аподиктические, так и проблематические высказывания, надо четко представлять себе, какие положения сам Аристотель принимал, а какие он отвергал, что и делает Энтони Кенни в данной работе.

В поколении, следующем после Аристотеля, модальная логика получила развитие в Мегарской школе. Представитель этой школы Диодор Крон является автором знаменитого софизма, который гласит: «Невозможное не может вытекать из возможного, состоявшееся событие не может быть не тем, чем является; но если в какой-то момент событие могло быть возможным, то из этой возможности могла вытекать и невозможность, таким образом, исходное событие было невозможным».

Диодор, как и Аристотель, признавал, что суждения предельно сопряжены со временем и могут менять свое истинное значение; но, в отличие от Аристотеля, он не нуждается в четком различии между действительностью и потенциальностью, поскольку возможность определяется только с точки зрения актуальности. Предложения, с точки зрения Диодора, могут изменить не только их истинные ценности, но и их модальности. Суждение «Персидская Империя была разрушена» было не истинным, но возможным, когда Сократ был жив; после

побед Александра это стало истиной и необходимостью. Для Диодора, как и Аристотеля, особая необходимость относится к прошлому.

Особенность определения Диодором возможности в том, что нет возможностей, которые никогда не будут нереализованными: все, что возможно, истинно, или станет истинным в будущем. Это, по-видимому, связано с формой фатализма: никто никогда не может сделать ничего, кроме того, что он на самом деле делает.

Ученик Диодора Филон отказался от определения модальности своего учителя, и объяснял возможность с точки зрения внутренних свойств предложения, а не с точки зрения ее истинной ценности с течением времени. Мы не знаем, как это объяснение было принято, но мы знаем, что, по его мнению, кусок дерева способен быть сожженным, даже если он никогда не был зажжен, и даже если он все время находился на дне океана.

Основная единица стоической логики – «высказывание». Стоики выделяют простые высказывания и их различные типы. Простейший тип – тот, у которого самые простые условия истинности. Это «определенное» высказывание, в котором субъект обозначается указательным местоимением единственного числа («Вот этот идет»): отношение референции с конкретным реальным индивидуумом непосредственно устанавливается своего рода словесным жестом «указания»). Так же просто «неопределенное» высказывание («Кто-то идет»), которое истинно, только если существует кто-то, о ком можно высказать истинное суждение «Вот этот идет». Единичное высказывание, по аристотелевской классификации («Сократ идет»), рассматривается стоиками как промежуточное между этими двумя типами, не потому, что может быть несколько индивидуумов, носящих имя Сократ, а потому, что референция, осуществляемая именем собственным, не имеет столь непосредственного и прямого характера, как указательное местоимение (о Сократе можно говорить в его отсутствие или после его смерти). Независимо от различий между видами простых высказываний, такие высказывания могут сочетаться друг с другом, составляя высказывания единые, но не простые при помощи различных пропозициональных связей, главные из которых образуют условные («если p , то q »), соединительные («и q ») и разделительные (« p или q ») высказывания. Сложные высказывания как таковые тоже могут быть истинными или ложными. Стоики иногда старались определить условия их истинности так, чтобы она была функцией, и единственно только функцией, истинностного значения входящих в их состав высказываний, безотносительно к содержанию этих высказываний. Такой подход четко прослеживается в случае конъюнкции, которая истинна, если и только если все ее составляющие истинны. Но в других случаях стоики не стремились придерживаться «истинностно-функциональной» интерпретации. Особенно важный случай, в философском и эпистемологическом плане, представляет условное высказывание, которое уже вызывало изощренные споры у диалектиков. Понятно, что самое главное – выяснить, при каких условиях можно утверждать, что одно высказывание следует из другого (имплицитно другому).

Тем не менее, определения Филона, кажется, были приняты стоическими логиками, которые были первыми в более формализованной пропозициональной логике. Там, где Аристотель использовал буквы в качестве переменных в своих логических текстах, стоики используют цифры; это тривиальная разница, но, что более важно, где переменные Аристотеля стоят в терминах, стоические переменные стоят в целых предложениях. В предложении «Если звезды светят, то это ночь», ни предшествующее – звезды светят, ни последующее – это ночь, не полные предложения, но каждый набор слов способен стоять сам по себе как полное предложение.

Стоическая пропозициональная логика была встроена в сложную теорию языка и значений. Стоики проводили различие между звуком (фон), речью (лексика) и говорением (Логос). Рев зверя или моря – это звук, но только членораздельный звук считается речью. Однако, не все речи имеют смысл: люди могут произносить глупые слова, такие как «hey poppu po». Только осмысленная речь считается высказыванием чего-либо. Звук и речь грека могут быть восприняты не говорящим на греческом варварскими, но смысл понимает только тот, кто знает язык.

Кенни пишет, что слово «logos», которое он перевел как «говорение», является греческим словом и имеет очень широкое значение: в разных контекстах это может означать «слово», «предложение», «язык», «разум». Это существительное, связанное с общим глаголом «legein»,

что означает «сказать». Стоики придумали новое слово из этого словесного ряда – «lekton», что означает буквально «вещь сказала», но Кенни оставляет это слово непереуведенным, так как нет точного эквивалента в английском языке.

Лектон играет важную роль в стоической обработке различия между знаками и тем, что они означают. Рассмотрим предложение, такое как «Дион идет», предположение, которое может быть истинным или ложным. Секст Эмпирик, обсуждая некоторые такие предложения, говорит о том, что стоики не сводили значение ни к объекту, ни к его языковому представлению, а выделяли три элемента знакового отношения: обозначающее (слово), обозначаемое (вещь, выявляемая словом и воспринимаемая как субъективный образ, понятие) и сам предмет – денотат.

Так вот, лектон – это то, что говорится в предложении, а именно, что Дион идет. На примере этого предложения мы можем сказать, что лектон – это то, что показывает содержание предложения.

Далее Энтони Кенни дает подробные разъяснения этим определениям лектона, затем досконально рассматривает логику Хрисиппа.

Хрисипп принадлежит к числу крупнейших логиков во всей истории этой дисциплины. Следует, однако, сказать, что он, как и все стоики, понимал «логику» гораздо шире, чем ее понимают в наше время. Как дисциплина логоса, т. е. прежде всего языка, логика – это наука хорошо говорить. Главное ее деление состоит в различении двух основных областей применения языка: связного рассуждения, для которого правила хорошей речи – это правила риторики, и рассуждения при помощи вопросов и ответов, для которого эти правила – правила корректного спора и корректной аргументации. Обе дисциплины, и диалектика, и риторика, именуется науками, а не искусствами; их главная задача – сделать человека способным распознавать истину, не только относительно изучаемых ими предметов, но и относительно какого бы то ни было предмета. Видение всех вещей, включая те, которыми ведают физика и этика, достигается через исследование, осуществляемое в процессе рассуждения: стоики меньше всего стремились к тому, чтобы избежать посредничества языка.

Если аристотелевская силлогистика была логикой терминов, то логика стоиков – это логика высказываний: изучаемые ею законы выражают отношения между высказываниями, остающиеся неизменными, каковы бы ни были содержание и внутренняя структура этих высказываний. Логика стоиков, хронологически следующая за аристотелевской логикой, логически предшествует ей; сам Аристотель при построении своей силлогистики не мог обойтись без имплицитного применения законов логики высказываний.

Главная часть логики стоиков – развернутая теория умозаключения (или доказательства: логоса в особом значении), т. е. системы высказываний, различающихся по выполняемой ими функции посылок или вывода. Стоики подвергли тщательному анализу различные свойства, которыми может обладать построенное по логическим канонам рассуждение: заключающий характер, или формальная правильность; истинность, присущая не всякому заключающему доказательству; демонстрируемость, или доказываемость, не являющаяся необходимым свойством всякого истинного умозаключения.

Стоики изучали и проясняли многочисленные софизмы и парадоксы, оставленные им в наследство изобретательными диалектиками, – порой развлекательные, порой глубоко озадачивающие, а порой и то и другое вместе. Немногие из философских школ так хорошо иллюстрируют стимулирующее действие парадокса, побуждающего к интеллектуальному творчеству. Упомянем, по крайней мере, два парадокса, похожие, грозящие подорвать одну из основ стоической логики, – принцип, согласно которому всякое высказывание истинно либо ложно: «Сорит» и «Лжец». Название «сорит» происходит от «кучи» (sōros). «Одно хлебное зернышко составляет кучу? – Нет. – Два зернышка? – Нет... Двадцать зерен?» Очевидно, да; но трудно допустить, что прибавления одного зернышка достаточно, чтобы из не-кучи сделать кучу; если установить, начиная с какого по счету зернышка некоторое количество зерен составляет кучу, любое число будет произвольным; а если не устанавливать такого числа, тогда между ложными высказываниями в начале и истинными высказываниями в конце будут высказывания с неопределенным истинностным значением. Но принцип сорита легко применим ко всевозможным ситуациям: в обыденном языке у большинства противоположных

предикатов (много и мало, большой и маленький) расплывчатые границы. Еще более известен парадокс «Лжец». Вот одна из его формулировок. «Я лгу» – истинно это или ложно? Если это истинно (если истинно, что я лгу), то это ложно (то, что я говорю, ложно); а если это ложно (если ложно, что я лгу), то это истинно (то, что я говорю, истинно). И, значит, если это должно быть либо истинно, либо ложно, тогда это в любом случае одновременно истинно и ложно.

Формальная логика Стои была практически полностью разработана Хрисиппом как наука о соотношении «мыслимых предметностей» (лектон), а также об условиях истинности умозаключений, – отмечает Кенни. Считается, что логическая система Хрисиппа представляет собой вариант логики пропозиций, первой в истории европейской логики.

Вопросы для закрепления темы

1. В чем состоит сложность изучения модальной силлогистики Аристотеля?
2. В чем особенности алетической модальности?
3. Каковы особенности аподиктических суждений?
4. В чем отличие модальной логики стоиков от модальной логики Аристотеля?
5. В чем заключается важнейший вклад Филона в логику?
6. Как пропозиционная логика стоиков вписывается в теорию языка и значений?
7. Что означает понятие «лектон»?
8. Каков вклад стоика Хрисиппа в логику?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Adler, M. Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy. Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
5. <http://www.dissercat.com/content/uchenie-aristotelya-o-modalnosti>
6. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
7. <http://simposium.ru/ru/node/12094>